

СВОБОДА ПЛѢННИКА.

Мечтаетъ Руской о побѣгѣ ;
Но цѣпь невольника паяжка ,
Быстра глубокая рѣка. . .
Межь тѣмъ , померкнувъ , степь уснула ,
Вершины скаль омрачены ,
По бѣлымъ хижинамъ аула
Мелькаетъ блѣдный свѣтъ луны ;
Елени дремлютъ надъ водами ;
Умолкнулъ поздній крикъ орловъ ,
И глухо впорится горами
Далекіи топотъ шабуновъ.
Тогда — кого-то слышно спало ,
Мелькнуло дѣвы покрывало ,
И вопъ — печальна и блѣдна
Къ нему приближилась она.
Уста прекрасной ищутъ рѣчи ;
Глаза исполнены тоской ,
И черной падаютъ волной
Ея власы на грудь и плечи.

Въ одной рукѣ блестящъ пила ,
 Въ другой кинжалъ ея булатный :
 Казалось , будто дѣва шла
 На тайный бой , на подвигъ рапный.

На плѣнника возведши взоръ ,
 « Бѣги ! сказала дѣва горъ ;
 Нигдѣ Черкесь тебя не встрѣшишь .
 Спѣши , не прашь ночныхъ часовъ ;
 Возьми кинжалъ : своихъ слѣдовъ
 Ни кто во мракѣ не замѣшишь . »
 Пилу дрожащей взявъ рукой ,
 Къ его ногамъ она склонилась :
 Визжишь желѣзо подъ пилой ,
 Слеза невольная скапилась . —
 И цѣпь распалась и гремишь .
 « Ты воленъ , дѣва говоришь ,
 Бѣги ! » Но взглядъ ея безумный
 Любви порывъ изобразилъ .
 Она страдала . Вѣсперъ шумный
 Свиспя , покровъ ея клубилъ .

« О другъ мой! Руской возопилъ ,
Я пвой на вѣкъ , я пвой до гроба.
Ужасный край оставимъ оба ,
Бѣги со мной. . . » « Нѣтъ , Руской , нѣтъ !
Она исчезла , жизни сладость ;
Я знала все , я знала радость ,
И все прошло , пропалъ и слѣдъ.
Возможноль ? ты любилъ другую ! . . .
Найди ее , люби ее ;
О чемъ же я еще поскую ?
О чемъ уныніе мое ? . . .
Проспи! любви благословенья
Съ побою будущъ каждый часъ,
Проспи — забудь мои мученья ,
Дай руку мнѣ . . . въ послѣдній разъ. »
Къ Черкешанкѣ простеръ онъ руки ,
Воскресшимъ сердцемъ къ ней лепѣлъ ,
И горькій поцѣлуй разлуки
Союзъ любви запечатлѣлъ. —
Рука съ рукой , унынья полны

Сошли ко берегу въ пишинѣ —
И Руской въ шумной глубинѣ
Уже плыветъ и пѣнишь волны,
Уже прошивныхъ скалъ достигъ,
Уже хватается за нихъ. . .
Вдругъ, волны глухо зашумѣли,
И слышенъ опдаленный спонь. . .
На дикіи брегъ выходитъ онъ,
Глядитъ назадъ. . . брега яснѣли
И опѣненные бѣлѣли;
Но нѣтъ Черкешенки молодой
Ни у береговъ, ни подъ горой...
Все мертво. . . На берегахъ уснувшихъ
Лишь вѣтра слышенъ легкій звукъ,
И при лунѣ, въ водахъ плеснувшихъ
Струистый исчезаетъ кругъ.

А. Пушкинъ.
